

Сухово-Кобылин Александр
(писатель - графур)

19.11.03

Великий маргинал

Книга Натальи Старосельской не то чтобы очередной раз напоминает, но мягко и настоятельно убеждает в том, что сюжеты у подлинного гения (а она не сомневается в гениальной художественной одаренности Сухова-Кобылина) всегда "под ногами". В России много жертв хамства и предвзятости. В России прижизненное признание художника тесно увязывается с "правильностью" его социальной роли. В России память о творце подчас любят куда больше, чем самого творца. Из таких постулатов, как представляется, исходит в только что изданном жизнеописании его автор.

Версии жизни и несчастья Сухова-Кобылина были у всех современников, в том числе сплетников, ревнивцев, недоброжелателей. Но и современный исследователь предлагает свой сюжет, видя жизнь писателя в объемности и подчас несопоставимости реалий, в нестройности и неотчетливости повседневных, впрочем, сиюминутно важных перипетий. Разумеется, часть жизненных сюжетов Сухова-Кобылина, притом эффектных, не вошла в пьесы: ни роман сестры Елизаветы (писательницы Евгении Тур) с университетским профессором брата - Н. Надеждиным; ни история странных, если не родственных, то вполне приятельских отношений в принципе высокомерной родни Александра Васильевича с его возлюбленной Луизой Симон-Деманш, убитой, возможно, именно из-за перенятой у русских аристократов манеры жестоко обращаться со слугами. В книге эти сюжеты присутствуют как органическая среда писательской жизни.

Для беллетризованных биографий, издаваемых в серии "Жизнь замечательных людей", всегда была характерна достаточно унифицированная, взвешенная подача материала. Конечно, унифицировать В.Шкловского, написавшего о Л.Толстом, было невозможно на уровне авторского стиля повествования, но на уровне принципа подачи фактов и их оценки это все же делалось. Автор нашего времени, к чести издательской политики редакции "Молодой гвардии", освобожден от этого жесткого требования, и потому книга о Сухово-Кобылине носит явно выраженный дискуссионный характер. Дискуссия происходит и с современниками писателя, Л.Толстым, А.Герценом, И.Гончаровым, знаменитыми, пренебрегавшими дворянином-убийцей (пусть и не доказана была его вина, но и не опровергнута в глазах света) и автором не самого популярного в России среди интеллектуальной элиты жанра комедии. Видно, что Сухово-Кобылина не просто не любили, но "не видели" после себя те, в чьи ряды и история русской культуры включает его тоже не без оспаривания. Происходит дис-

куссия и с биографами, исследователями творчества автора, которого не могли рассматривать без учета его жизненной драмы, ставшей для публики источником пересудов и открытого отторжения. Но за этими "жареными" обстоятельствами не успевали рассмотреть эстетическое новаторство и нравственную боль.

Автору, как и читателю новой книги, подлинное удовольствие доставляет обнаруживать парадоксы личности этого человека. Из числа сформулированных - такой: представитель "золотой молодежи" отличался от среды тем, что "не кутил, не пил, ни во что не бросался сломя голову, - это влюбленные в него женщины безумствовали, он же оставался бесстрастным". Из числа не сформулированных, но предьявленных и весьма значимых для тех, кто знаком с традиционной трактовкой влияния на духовный мир и художественное творчество Сухова-Кобылина, - другой парадокс: гласно или негласно считалось, что даже не гоголевские комедии, а французская "хорошо сделанная пьеса" была его школой. В книге же постоянно присутствует мотив любви писателя к немецкой философии, и прежде всего к Гегелю, который "мыслит Существительными", к немецкой правильности и систематичности занятий науками.

Автор книги не осуждает своего героя за самонадеянность, с которой тот в драматургической табели о рангах ставил себя вслед за Грибоедовым и Гоголем, но прежде мало занимательного и утомительного, по его мнению, Островского. И никак автор (и мы вместе с нею) не соглашается ни с самим принципом формального ранжирования художников, ни с отводимым творцу в силу этой системы малопочтенным местом. Герой книги предстает как создатель по-европейски "хорошо сделанной комедии", что в России, как известно, редкость, - "Свадьбы Кречинского"; уникальной драматической энциклопедии жизни русского чиновничества с его неизбывными по сей день жадностью к деньгам и равнодушием к человеку - "Дела"; и уникального абсурдистского гротеска о маленьком российском человеке, чья жизнь куда омерзительнее и тягостнее смерти, - "Смерть Тарелкина".

Книга Н.Старосельской "выращивает" образ Сухова-Кобылина прежде всего как фигуры, абсолютно неслучайной для русской культуры. Она настойчиво и, думаю, справедливо, в опровержение люмпенской привычки ниспровергать интеллектуальные и ментальные накопления нации, вызывает любовь к "лютейшему" аристократизму этого человека. И столь же решительно и последовательно вызывает уважение к его стойкости перед недоброй судьбой, к его трудолюбию и внутреннему стержню, позволявшему осознать и переносить одиночество.

Кто сказал, что только признанному романтику Лермонтову некому было "руку подать"? Проживший долгую жизнь, родившийся через три года после Лермонтова и умерший за год до Чехова, запятанный дворянин и не до конца признанный писатель, Сухово-Кобылин воспринимается благодаря книге Старосельской как характерная для России фигура: великий маргинал. И не потому великий, что маргинал, чего у нас достаточно и без Сухова-Кобылина. Просто - великий писатель с маргинальной судьбой.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА
Наталья Старосельская. "Сухова-Кобылин". М.: Молодая гвардия, 2003.

Кувальтура - 2003 - 13-19 ноября - 71

351